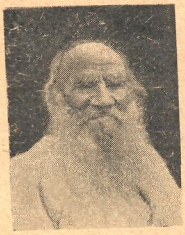
№ 86 б
299

№ 86 б

...мяти великаго учителя.



ПОСЛѢДНІЕ
ДНИ и КОНЧИНА
Л. Н. ТОЛСТОГО.

Инв
3078

143. Bu. Bomb

95 1/1290

Послѣдніе дни и кончина

Л. Н. Толстого.

Памяти великаго учителя.

ИЗЪ СОДЕРЖАНІЯ: КРАТКАЯ БІОГРАФІЯ.—ПОСЛѢДНІЙ БЮЛЛЕТЕНЬ.—ПОСЛѢДНІЯ ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО: 1) КЪ СТУДЕНТАМЪ; 2) КЪ СВЯЩЕННИКУ; 3) КЪ ЕДИНОМЫШЛЕННИКУ МОЛОЧНИКОВУ И ДР.—„ТРУДЫ И ДНИ“ Л. Н. ТОЛСТОГО.—ТОЛСТОЙ И ЕГО ГЕРОИ О СМЕРТИ.—ТОЛСТОЙ И ИЗОБРѢТАТЕЛИ.—ТОЛСТОЙ О СМЕРТИ.—ТЕКСТЪ ОТЛУЧЕНІЯ СВ. СИНОДОМЪ ОТЪ ЦЕРКВИ.—ТОЛСТОЙ О МАТЕРЯХЪ.—ВЫСОЧАЙШАЯ ОТМѢТКА О СМЕРТИ Л. Н.—ОТЗЫВЫ ВЕЛИКИХЪ МІРА О ТОЛСТОМЪ.—ИЛЛЮСТРАЦІИ.

МОСКВА.
Изданіе книгоиздательства „Космополитъ“.
1910.
Скл. изданія: Тверская, Мамоновскій пер., д. Шаблыкина, кв. № 26. Телеф. 176—84.

1631

МОСКВА.
Типографія И. Н. Холчева, арен. М. Н. Холчевымъ, Тверской бульв., д. № 29.
1910.

Смерть Л. Н. Толстого.

Весь міръ дрогнулъ, получивъ ужасную вѣсть о кончинѣ великана мысли, геніальнѣйшаго изъ геніальнѣйшихъ людей: 7 ноября, въ 6 час. 5 мин. утра, умеръ Левъ Николаевичъ Толстой.

На невѣдомой станціи, вдали отъ Ясной Поляны, гдѣ великій отшельникъ прожилъ почти всю свою жизнь...

Тяжкая, невознаградимая утрата для всей Россіи...

Смерть отняла у насъ величайшаго изъ современниковъ. Съ міровоззрѣніями Толстого, если и не весь міръ соглашался, то во всякомъ случаѣ предъ мощью духа, силой его всѣ преклонялись!

Свалился гигантъ, подаривъ насъ 82-мя годами своей славной жизни!

Нѣтъ словъ для выраженія того горя, какое переживаетъ Россія съ потерей Толстого.

Впрочемъ, предоставимъ высказаться о Толстомъ «великимъ міра сего», мнѣнія которыхъ о Л. Н., какъ о философѣ, писателѣ и человѣкѣ приведены нами ниже:

— На память о Толстомъ его почитателямъ и послѣдователямъ.

Послѣдній бюллетень.

Докторами Д. П. Маковицкимъ, Д. В. Никитинымъ и Г. М. Бекренгеймомъ опубликованъ обстоятельный бюллетень съ обозначеніемъ всего хода роковой болѣзни Льва Николаевича Толстого и нѣкоторыхъ моментовъ, предшествовавшихъ этой болѣзни.

Событія, предшествовавшія скорбной развязкѣ на ст. Астапово, рисуются въ этомъ бюллетенѣ въ слѣдующемъ видѣ.

28 октября, какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ оставилъ Ясную Поляну. Рѣшеніе уѣхать было имъ принято послѣ продолжительной и тяжелой душевной борьбы. Состояніе его здоровья было удовлетворительно, хотя онъ чувствовалъ себя физически нѣсколько слабымъ. Изъ Ясной Поляны Л. Н. направился чрезъ Щекино на ст. Горбачево, откуда до Козельска ѣхалъ въ тѣсномъ, переполненномъ, душномъ вагонѣ 3-го класса, прицѣпленномъ къ товарному поѣзду, и, чтобы освѣжиться, часто выходилъ на площадку. Изъ Козельска онъ собирался ѣхать къ своей сестрѣ Маріи Николаевнѣ въ Шамардинъ монастырь, отстоящій на 18 верстъ отъ станціи, но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5 верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувъ, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ

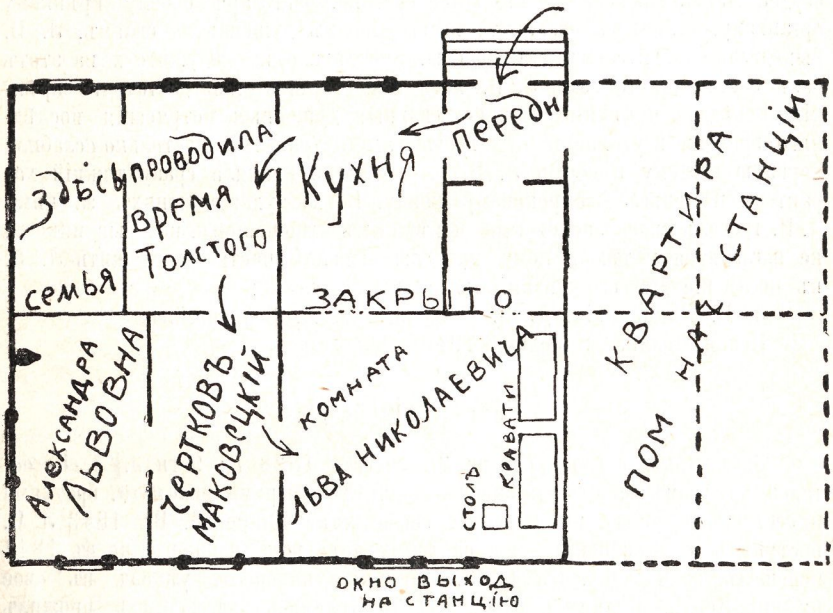
Шамардинъ монастырь, гдѣ ночевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую слабость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны, ея друга Варвары Михайловны Феокритовой, пріѣхавшихъ къ нему наканунѣ, и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадяхъ въ Козельскъ (18 верстъ), а оттуда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ и Ростовъ-на-Д. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувство-

Домъ на ст. Астапово, гдѣ умеръ Л. Н. Толстой.

валъ себя довольно хорошо, а затѣмъ сталъ жаловаться на познабливаніе. Поставленный термометръ показалъ $38,_{6}$. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Льва Николаевича рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станціи. Этой станціей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станціи г. Озолинъ любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала. Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры; здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія, а затѣмъ съ нимъ сдѣлался непродолжительный (около минуты) припадокъ судорогъ въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ. Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до $39,_{8}$, появился кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ послѣдній день великой жизни, согласно бюллетеню докторовъ, часовъ около двухъ послѣдовало неожиданное возбужденіе. Больной сѣлъ на постель и громкимъ голосомъ, внятно сказалъ окружавшимъ: «Вотъ и конецъ!.. И ничего!»... а затѣмъ: «Только одно я прошу васъ помнить: на свѣтѣ пропасть народа, кромѣ Льва Толстого, а вы помните одного

Льва». Вслѣдъ за этимъ наступилъ рѣзкій упадокъ сердечной дѣятельности (коллапсъ): пульсъ едва прощупывался, появилась синева (ціанозъ) ушей, губъ, носа, ногтей; конечности похолодѣли. Впрыснуто два шприца камфары, 1—кофеина, примѣнено дыханіе кислородомъ и согрѣваніе оконечностей. Понемногу пульсъ сталъ улучшаться, ціанозъ исчезъ, и больной заснулъ. Къ вечеру самочувствіе нѣсколько лучше; сдѣлано впрыскиваніе дигалена, затѣмъ камфары и поставлена теплая клизма изъ 200 gr. соляного раствора. Л. Н. попросилъ ѣсть, выпилъ въ теченіе вечера три маленькихъ стаканчика молока и съѣлъ немного овсянки. Нѣсколько разъ произвольно мочился. Сознаніе было вполнѣ ясное. Но къ концу вечера усилилась икота и одышка. Послѣ полуночи одышка дошла до 60-ти дыханій въ минуту; икота участилась еще больше. Л. Н. сталъ стонать, метаться по постели, вскакивать; состояніе тоски, недостатка воздуха и икоты было настолько мучительно, что было рѣшено врыснуть $0,_{10}$ мор-



Планъ дома на ст. Астапово, гдѣ умеръ Л. Н. Толстой.

фія (въ 12 час. 15 мин. ночи). Л. Н. заснулъ, икота прекратилась, одышка уменьшилась до 36-ти. Съ 2 час. ночи пульсъ, несмотря на впрыскиваніе камфары сталъ падать, сдѣлался нитевиднымъ. Предпринятыя впрыскиванія соляного раствора замѣтнаго вліянія на пульсъ не оказали. Тѣмъ не менѣе, сознаніе еще сохранялось: Л. Н. реагировалъ на оклики и сдѣлалъ 1—2 глотка предложенной воды. Въ виду опасности положенія была приглашена вся семья. Съ 5 ч. утра пульсъ сталъ пропадать, дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ, и въ 6 ч. 5 мин. утра (по московскомъ времени) Л. Н. тихо, безъ страданій, скончался, окруженный женой, дѣтьми и друзьями.

Л. Н. лежалъ, какъ выше было сказано, въ домѣ начальника станціи Озолина, гдѣ въ его распоряженіи были двѣ довольно большія комнаты. Съ гигіенической стороны обстановка была удовлетворительна. Непосредственный уходъ за Л. Н. лежалъ на врачахъ, его дочери Александрѣ Львовнѣ, ея другѣ Варварѣ Михайловнѣ Ѳеокритовой и В. Г. Чертковѣ. Нѣсколько разъ у постели больного были его дѣти: Татьяна Львовна Сухотина и Сергѣй Львовичъ. Остальные члены семьи все время находились вблизи, но въ комнату больного не входили: на семейномъ совѣтѣ, согласно съ предложеніемъ врачей, было рѣшено, чтобы никто другой изъ родныхъ не входилъ къ Л. Н., такъ какъ были основанія думать, что Л. Н. сильно взволнуется при появленіи новыхъ лицъ, а это могло роковымъ образомъ отразиться на висѣвшей на волоскѣ его жизни.

Смерть Л. Н. послѣдовала отъ быстро наступившаго упадка сердечной дѣятельности. Во время прежнихъ тяжелыхъ заболѣваній дѣятельность сердца также бывала очень ослаблена, но, благодаря своему крѣпкому организму, главнымъ образомъ, необычайнымъ душевнымъ силамъ, Л. Н. выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы. Это давало надежду, что и на этотъ разъ сильный организмъ Л. Н., хотя и постарѣвшій, но достаточно крѣпкій, побѣдитъ инфекцію. Однако, сильныя душевныя потрясенія послѣдняго времени и утомленіе отъ необычнаго путешествія настолько ослабили нервную систему и сердце Л. Н., что болѣзнь приняла сразу тяжкій характеръ и привела къ роковому концу. Всѣхъ ухаживавшихъ за нимъ Л. Н. трогалъ своей ласковостью и нѣжнымъ отношеніемъ, которыя никогда не изгладятся у тѣхъ, кому на долю выпало счастье послужить Л. Н. въ послѣдніе дни его жизни. Бюллетень подписали:

Д. П. Маковицкій, Д. В. Никитинъ, Г. М. Беркенгеймъ.

Ясная Поляна, 9 ноября 1910 г.

Краткая біографія.

Левъ Никелаевичъ родился 28 августа 1828 г.; 9-ти л. Л. Н. остался круглымъ сиротой и скоро вмѣстѣ съ четырьмя малолѣтн. братьями и сестрой поступилъ на попеченіе своей тетки Юшковой. Въ 1843 Л. Н. поступилъ въ Казанскій унив. на факультетъ вост. языковъ, но въ 1844 перешелъ на юридич. Въ 1847, оставивъ университ., уѣхалъ въ свое имѣніе Ясную Поляну (Тульской губ., Крапивен. уѣзда), гдѣ прожилъ почти безвыѣздно до 1851, когда отправился на Кавказъ, гдѣ служилъ его старшій братъ, опредѣлился юнкеромъ въ артиллерію и не разъ принималъ участіе въ мелкихъ стычкахъ, описанныхъ имъ впослѣдствіи въ «Набѣгѣ», «Рубкѣ Лѣса», «Казакахъ». Въ 1852 онъ написалъ первое свое произведеніе «Дѣтство», затѣмъ «Утро помѣщика», «Случай», «Отрочество» Съ открытіемъ Восточной войны перепросился въ дунайскую армію, участвовалъ въ кампаніи 1854, затѣмъ перешелъ въ Севастополь; будучи командиромъ горнаго девизіона, участвовалъ въ сраженіи при Черной рѣчкѣ. Здѣсь были имъ написаны »Севастопольскіе разсказы». Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ въ 1856 и былъ встрѣченъ восторженно во всѣхъ кружкахъ. Его «Севаст. разсказы» были по заслугамъ оцѣнены публикой и заставили видѣть въ авторѣ большой и серьезный талантъ.

Но ни съ кѣмъ изъ писателей онъ не сходился. Этому мѣшали его сосредоточенность и оригинальное міровоззрѣніе. Вскорѣ онъ уѣхалъ за-границу, но смерть любимаго брата заставила его вернуться въ Россію, гдѣ онъ цѣлый годъ провелъ въ тяжеломъ настроеніи духа. Въ это время имъ написаны «Люцернъ» и «Альбертъ». Въ 1859 году онъ снова уѣхалъ за-границу съ цѣлью гл. обр. изучить тамошнія школы и существующія въ нихъ системы преподаванія, при этомъ знакомился и съ постановкой благотворительнаго дѣла и устройствомъ тюремъ. Въ 1861, вернувшись въ Ясную Поляну, занялъ мѣсто мирового посредника и всецѣло отдался педагогич. дѣятельности; началъ издавать знамен. свой журналъ «Ясная Поляна», гдѣ сообщалъ свѣдѣнія о методѣ, порядкѣ и ходѣ преподаванія въ Ясно-Полянской школѣ, которая у насъ въ Россіи была выдающимся явленіемъ—свободной школой, основанной единственно на началахъ гуманности. Въ 1869 былъ законченъ имъ романъ «Война и миръ» (1805—20)—эта величественная эпопея борьбы за существованіе, за жизнь цѣлаго народа. Этотъ романъ сразу поставилъ Т. въ первый рядъ русскихъ писателей. Въ 1876 окончилась печатаніемъ «Анна Каренина», романъ изъ жизни великосвѣтскаго общества, заключающій въ себѣ собственно два отдѣльныхъ произведенія—исторію любви Карениной и исторію духовнаго возрожденія Левина, при чемъ исторія Левина—это исторія самого Т-го.

Медаль, выбитая въ Швейцаріи въ честь Л. Н. Толстого.

Родословная Л. Н. Толстого.

1) Мужъ честенъ Индрисъ (выѣхалъ «изъ нѣмецъ, изъ Цнесарскія земли» въ Черниговъ въ 1353 г. съ двумя сыновьями и дружиной), въ крещеніи Леонтій.

2) Ѳеодоръ Леонтьевичъ, Константинъ Леонтьевичъ.

3) Харитонъ Константиновичъ.

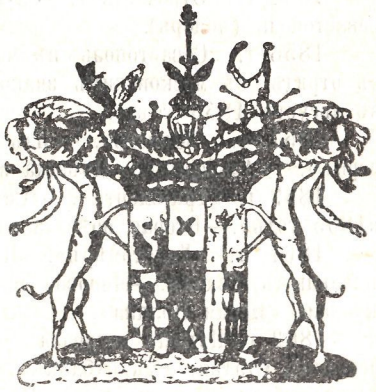
4) Андрей Харитоновичъ (переселился въ Москву и получилъ отъ вел. кн Василія Темнаго прозвище:) Толстой.

. . . . . .

. . . . . .

5) Отъ Индриса поколѣніе 15-е: Петръ Андреевичъ, первый графъ Толстой (служилъ Петру I и Екатеринѣ. Съ воцареніемъ Петра II впалъ въ немилость. Умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1729 г.).

6) Иванъ Петровичъ (вмѣстѣ съ отцомъ былъ сосланъ и умеръ въ ссылкѣ въ 1728 году).



Фамильный гербъ гр. Толстыхъ.

7) Андрей Ивановичъ (26-го мая 1760 года ему возвращено утраченное отцомъ графское достоинство Елисаветой. Умеръ въ 1803 г.).
8) отъ Индриса поколѣніе 18-е:

Илья Андреевичъ гр. Толстой (казанскій губернаторъ † 1820 г.).

Александра (по мужу Остенъ-Сакенъ)	Николай († 1837 г.)	Пелагея (по мужу Юшкова)	Илья (ум. бездѣтнымъ)

9) отъ Индриса поколѣніе 20-е.

Николай (род. 1823 г.)	Сергій (род. 1826 г.)	Дмитрій (род. 1827 г.)	Левъ (род. 28 авг. 1828 г.)	Марія (род. 1830 г.)

„Труды и дни“ Л. Н. Толстого.

1828 г. 28 августа. Рожденіе Л. Н. въ имѣніи матери Ясная Поляна (Крапивенскаго у., Тульской губ.).

1831 г. Смерть матери.

1837 г. Переѣздъ семьи Толстыхъ въ Москву.—Смерть отца.

1840 г. Смерть опекунши Л. Н. графини А. М. Остенъ-Сакенъ.—Перѣздъ въ Казань къ новой опекуншѣ П. И Юшковой (сестрѣ отца).

1843 г. Поступленіе на восточный факультетъ казанскаго университета.

1847 г. Выходъ изъ университета (съ юридическаго факультета).—Переѣздъ въ Ясную Поляну.

1848 г. Поѣздка въ Петербургъ.—Брошенный экзаменъ на кандидата правъ.

1851 г. Пріѣздъ на Кавказъ.—Жизнь въ Пятигорскѣ.—Поступленіе на военную службу.

1853 г. «Исторія моего дѣтства» (въ «Современникѣ», 6 сентября, подъ иниціалами «Л. Н. Т.»).—«Казаки», «Утро помѣщика».

1852 г. «Набѣгъ».

1854 г. «Отрочество».—Служба въ Дунайской арміи.—Пріѣздъ въ Севастополь (ноябрь).

1856 г. «Севастополь въ маѣ 1855 года».—«Метель».—«Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ».—«Два гусара».—«Севастополь въ августѣ 1855 года».

1857 г. «Юность».—«Изъ записокъ кн. Д. Нехлюдова».—«Люцернъ».—«Альбертъ».—Поѣздка за границу.

1859 г. «Три смерти».—«Семейное счастье» (первый романъ Л. Н.).—«1805 годъ».—Вторая поѣздка за границу.

1861 г. «Холстомѣръ».—Пріѣздъ въ Ясную Поляну.—Увлеченіе школьнымъ дѣломъ.—Мировое посредничество.—Объявленіе объ изданіи журнала «Ясная Поляна».

1862 г. Изданіе журнала «Ясная Поляна» (№ 1 выходитъ 3-го февраля). Статьи: «Къ публикѣ».—«О народномъ образованіи».—«О методахъ обученія грамотѣ».—«Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ».—«Яснополянская школа за ноябрь и декабрь мѣсяцы».—

«Отъ редакціи».—«Воспитаніе и образованіе»,—«Кому у кого учиться писать?» —Женитьба (23 сентября) на Софіи Андреевнѣ Берсъ.

1863 г. «Поликушка».—«Прогрессъ и опредѣленіе образованія».—Послѣдняя книжка журнала «Ясная Поляна» (22 марта).

1864 г. Первое собраніе сочиненій (изд. Степловскаго).

1865 г. Болѣзнь.

1866 г. Пріѣздъ въ Москву для осмотра Бородинскаго поля.

1867 г. Первый томъ «Войны и мира».

1869 г. Окончаніе «Войны и мира».—«Нѣсколько словъ по поводу книги «Война и миръ».

1870 г. Поѣздка въ Самарскую губернію.

1871 г. «Азбука»

1872 г. «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ».—«Кавказскій плѣнникъ».

1873 г. Лѣченіе кумысомъ въ Самарской губ.—Письмо въ «Московскія вѣдомости» о самарскомъ голодѣ.—Начало «Анны Карениной».—Письмо къ издателю «Московскихъ Вѣдомостей».

1874 г. Докладъ въ московскомъ комитетѣ грамотности о народномъ образованіи.—«Азбука» 12 книгъ.

1875 г. «Новая азбука».—«Первыя четыре книги для чтенія».

1877 г. Окончаніе «Анны Карениной».—Поѣздка въ Петербургъ для осмотра Петропавловской крѣпости.

1878 г. «Первыя воспоминанія».

1879—1882 гг. «Исповѣдь».

1880—1881 гг. «Критика догматическаго богословія».—«Чѣмъ люди живы?

1882 г. «О переписи въ Москвѣ».—«Въ чемъ счастье?».—«О непротивленіи злу».—«Церковь и государство».

1884 г. «Декабристы».—«Въ чемъ моя вѣра».—«Предисловіе къ сочиненіямъ Бондарева».—«Три старца».

1886 г. «Трудъ мужчинъ и женщинъ».—«Смерть Ивана Ильича».—«Крестникъ».—«Много ли человѣку земли нужно?».—«Народныя легенды».—«Сонъ» («Недѣля» 1886 г)—«Три сказки».—«Такъ что жъ намъ дѣлать?»—«Первый винокуръ».—«Тексты къ лубочнымъ картинамъ».—«Власть тьмы».—«Къ молодымъ людямъ».—«О борьбѣ со зломъ».—«О благотворительности».—О религіи».—«О вѣрахъ».—«Чьи мы?».

1887 г. Рефератъ въ психологическомъ обществѣ.—«Календарь съ пословицами».—«Цвѣтникъ».—«О жизни».—Предисловіе къ сборнику: «О томъ, въ чемъ правда въ искусствѣ».—«Что дѣлать?—«Пословицы на каждый день».—«Три сына».—«Ходите въ свѣтѣ, пока ес.ть свѣтъ».

1888 г. «Ручной трудъ и умственная дѣятельность»—«Трудолюбіе или торжество земледѣльца».

1889 г. «Праздникъ просвѣщенія».—«Крейцерова соната».—«Плоды просвѣщенія».—«Обращеніе къ людямъ-братьямъ».—«Противъ войны».

1890 г. «Объ отношеніи между полами».—«Послѣсловіе въ «Крейцеровой сонатѣ».—«Предисловіе къ токологіи».—«Заявленіе о 36 вопросахъ»—«Для чего люди одурманиваются?».

1891 г. Первое представленіе «Плодовъ просвѣщенія» въ Нѣмец-

комъ клубѣ въ Москвѣ (24 января).—Разрѣшеніе печатать и переводить произведенія Л. Н. Толстого (19-го сентября)—Первое представленіе «Плодовъ просвѣщенія» въ Александровскомъ театрѣ въ Петербургѣ (26-го сентября).—Поѣздка семьи Л. Н. на помощь голодающимъ.—«О винѣ и табакѣ».—«О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая».—«Сказка о пустомъ барабанѣ».—«Страшный вопросъ».—«Плоды просвѣщенія» въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ (12-го декабря).

1893 г. «Недѣланіе».—«Суратская кофейня».—«Царство Божіе внутри насъ».—Къ вопросу о свободѣ воли».—«Предисловіе къ дневнику Аміеля».

1895 г. «Хозяинъ и работникъ» —«Противорѣчія эмпирической нравственности».—«Стыдно».—«Три притчи».—«Богу или мамонѣ».

1896 г. «Къ редактору нѣмецкаго журнала».—«Письмо Л. Н. Толстого къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи».—«Отношеніе къ правительству и сушествующему строю».—«Къ либераламъ».—«О церковномъ обманѣ».—«Къ начальнику дисциплинарнаго батальона».

1897 г. «Что такое искусство?»—«Требованія любви».—«Дорого стоитъ».

1898 г. Къ статьѣ «Современная наука».—«Carthago delenda est».—«Голодъ или не голодъ».—«Письмо въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей».—«Какъ читать евангеліе и въ чемъ его сущность».—Семидесятилѣтіе Л. Н.

1899 г. «Воскресеніе».—«Мысли о воспитаніи и обученіи».—«О религіозномъ воспитаніи».—«Глава изъ романа «Воскресеніе».—«Въ казематѣ».—«По поводу трансваальской войны».

1900 г. «Гдѣ выходъ».—«Мысли о Богѣ».—«Неужели это такъ надо?»—«Не убій».—«Патріотизмъ и правительство».—«Письмо Государю».

1901 г. «Отлученіе св. Синода» (отъ 20—22 февраля).—«О приближеніи конца войны».—«Часовщикъ».—«Отвѣтъ Синоду».—Единственное средство».—«Изложеніе Евангелія».—«О вѣротерпимости».—«О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ».—«О смыслѣ жизни».—«Солдатская памятка».—«Царю и его помощникамъ».—«Два письма Л. Н. Толстого къ православному священнику и французскому пастору».—«Письмо по поводу «Толстовскаго общества».—«Письмо по поводу «Народныхъ листковъ».—Болѣзнь.—Поѣздка въ Крымъ.—«Гаспра».

1902 г. «Предисловіе къ роману Поленца».—«Крестьянинъ».—«Отвѣтъ шведскому обществу».—«Болѣзнь».—«Письмо о религіозномъ отношеніи къ жизни».—«Письмо къ Государю».—Письмо къ «магометанину».—«Къ рабочему народу».—«Офицерская памятка».—«Обращеніе къ духовенству».—Возвращеніе въ Ясную Поляну.

1903 г. «О Кармѣ».—«Два письма о Луизѣ Тосканской».—«Жизнь и ученіе Христа».—«Къ политическимъ дѣятелямъ».—«Письмо къ кишиневскому городскому головѣ».—«Письмо къ еврею».—«О самосовершенствованіи».—Семидесятипятилѣтіе Л. Н.—«Письмо къ Гаррисону».—«Разрушеніе ада и возстановленіе его».

1904 о. Болѣзнь.—«Одумайтесь».

1905 г. «Объ общественномъ движеніи».—«Конецъ вѣка».—«Единое на потребу».—«Великій грѣхъ».

1906 г. «За что?»—«Божеское и человѣческое».—«Корней Васильевъ».—«Ягоды».—«Молитва».—«О Шекспирѣ».—«Къ правительству, революціонерамъ и народу».—«Кругъ чтенія».—Смерть дочери Маріи Львовны.

1907 г. Письмо Л. Н. въ газеты о собственности.

1908 г. «Не могу молчать!»—«Восьмидесятилѣтній юбилей.—Международный толстовскій сборникъ.

1909 г. Поѣздка къ Черткову.—Проѣздъ черезъ Москву и торжественные проводы.

1910 г. «Три дня въ деревнѣ».—Уходъ изъ Ясной Поляны.

Изъ дневника Толстого.

Богатая внѣшними событіями, эта полоса жизни Толстого еще богаче внутренними переживаніями. Въ дневникахъ его, веденныхъ на Кавказѣ и во время пребыванія въ дунайской арміи, сказывается уже Толстой—религіозный мыслитель и реформаторъ.

«Есть во мнѣ что-то, что заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть такимъ, какъ всѣ»,—записываетъ онъ въ началѣ кавказскаго періода, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ заноситъ въ дневникъ мысль, которая, по выраженію Бирюкова, можетъ служить краткимъ выраженіемъ всего его позднѣйшаго міровоззрѣнія;

«Совѣсть есть лучшій и вѣрнѣйшій нашъ путеводитель, но гдѣ признаки, отличающіе этотъ голосъ отъ другихъ голосовъ? Голосъ тщеславія говоритъ также сильно. Примѣръ,—неотомщенная обида.

Тотъ человѣкъ, котораго цѣль есть собственное счастье—дуренъ. Тотъ, котораго цѣль есть мнѣніе другихъ—слабъ. Тотъ, котораго цѣль есть счастье другихъ—добродѣтеленъ. Тотъ, котораго цѣль Богъ—великъ».

Еще черезъ нѣсколько времени, Л. Н. пишетъ:

«Будущность занимаетъ насъ болѣе дѣйствительности. Эта наклонность хороша, если мы думаемъ о будущности того міра. Жить въ настоящемъ, т. е. поступать наилучшимъ образомъ въ настоящемъ—вотъ мудрость».

Въ дневникѣ отъ 5 марта 1855 г., Л. Н. пишетъ:

«Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта—основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, что могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать мысль эту слѣдующему и когда-нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее въ исполненіе. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей—вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня».

Все это время Л. Н. не оставляетъ и литературной дѣятельности. По дорогѣ изъ Румыніи въ Севастополь, онъ кончаетъ «Рубку лѣса», а въ Севастополѣ начинаетъ «Юность» и пишетъ «Севастопольскіе разсказы». Александръ II читаетъ въ корректурѣ разсказъ «Севастополь въ

декабрѣ 1854 г.», и впечатлѣніе этого разсказа на государя такъ велико, что онъ приказываетъ удалить молодого офицера съ опаснаго мѣста. Л. Н. переводятъ на Бельбекъ, верстахъ въ 20-ти отъ Севастополя, и поручаютъ ему командовать горнымъ взводомъ.

Толстой—мировой посредникъ.

Репутація человѣка, не обирающаго своихъ крестьянъ, чуть не стала препятствіемъ къ назначенію Толстого мировымъ посредникомъ. Назначенъ онъ былъ на эту должность тульскимъ губернаторомъ вопреки мнѣнію губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства.

Въ мировомъ съѣздѣ, состоявшемъ изъ посредниковъ, которымъ не по душѣ была дѣятельность Толстого, его рѣшенія сплошь и рядомъ отмѣнялись. И только въ губернскомъ присутствіи онъ находилъ поддержку.

Помѣщики придумывали всякія хитрости, чтобы дать крестьянамъ земли какъ можно меньше и какъ можно хуже. Толстой, замѣчая эти стремленія, не утверждалъ уставныхъ грамотъ и добивался ихъ уничтоженія. Немудрено, что помѣщики инсинуировали, что Толстой бросилъ «сѣмена раздора» между помѣщиками и крестьянами. «Посредничество,—писалъ Толстой въ своемъ дневникѣ,—поссорило меня со всѣми помѣщиками и разстроило здоровье».

Въ февралѣ 1862 г. Толстой сложилъ съ себя обязанности мирового посредника.

Какъ солдатъ и офицеръ.

Какъ солдатъ и офицеръ, Л. Н. отличался храбростью. Какъ товарища, его всѣ любили. «Толстой своими разсказами и наскоро подобранными куплетами одушевлялъ всѣхъ и каждаго въ трудныя минуты боевой жизни»,—вспоминаетъ о Л. Н. одинъ изъ его сослуживцевъ.—Онъ былъ въ полномъ смыслѣ душой нашего общества. Толстой съ нами—и мы не видимъ, какъ летитъ время, и нѣтъ конца нашему общему веселью; нѣтъ графа, укатилъ въ Симферополь,—и всѣ носы повѣсили. Пропадаетъ день, другой, третій. Наконецъ, возвращается, ну, точь-въ-точь блудный сынъ,—мрачный, исхудалый, недовольный собою. Отведетъ меня въ сторону подальше и начнетъ покаяніе. Все разскажетъ:—какъ кутилъ, игралъ, гдѣ проводилъ дни и ночи, и при этомъ, вѣрите ли, казнится и мучится, какъ настоящій преступникъ. Даже жалко смотрѣть на него—такъ убивается. Вотъ это какой человѣкъ! Однимъ словомъ, странный и не совсѣмъ для меня понятный, а съ другой стороны это былъ рѣдкій товарищъ, честнѣйшая душа, и забыть его рѣшительно невозможно».

Севастопольскія пѣсни, сочиненныя Толстымъ въ солдатскомъ духѣ, распѣвала вся армія. Непочтительный тонъ этихъ пѣсенокъ, конечно, не могъ понравиться въ Петербургѣ, и когда въ Петербургѣ узнали, что авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» и этихъ куплетовъ—одно и то же лицо, карьера его, какъ офицера, погибла. Послѣ взятія Малахова кур-

гана, Л. Н. отправили курьеромъ въ Петербургъ. Военная карьера Л. Н. кончилась.

Педагогическая дѣятельность.

Педагогическія статьи Толстого, помѣщенныя въ его журналѣ «Ясная Поляна» и перепечатанныя въ 4-мъ томѣ его сочиненій, даютъ полную картину его дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія. Здѣсь мы напомнимъ только о судьбѣ яснополянской школы.

Весной 1862 г. Л. Н., утомленный усиленной дѣятельностью, почувствовалъ себя больнымъ и, опасаясь чахотки, отправился въ башкирскую степь на кумысъ.

Во время его отсутствія, въ яснополянской школѣ произошло неожиданное событіе: прискакали жандармы, чины уѣздной полиціи и сдѣлали тщательный обыскъ,—поднимали даже ломомъ полы и шарили въ прудѣ, въ поискахъ типографскаго станка, искали и въ школѣ, и въ домѣ. Не найдя ничего, поѣхали по другимъ школамъ того же мирового участка, вездѣ перевертывали столы, забирали книги и тетради, арестовывали учителей.

Узнавъ объ этомъ, Л. Н. говорилъ: «Какое огромное счастье, что меня не было дома. Ежели бы я былъ, то теперь, навѣрно, судился бы, какъ убійца!»

Оставить такъ это дѣло Л. Н. не могъ,—слишкомъ ужъ онъ былъ задѣтъ и возмущенъ тѣмъ потрясеніемъ, которое вынесли во время обыска его тетка и сестра (нынѣ монахиня). Онъ полагалъ, что, если онъ не получитъ удовлетворенія, ему остается только продать имѣніе и бросить Россію, «гдѣ нельзя узнать минутой впередъ, что тебя ожидаетъ».

Кончилось тѣмъ, что Л. Н. лично подалъ въ Москвѣ императору Александру II просьбу объ удовлетвореніи. Послѣ этого къ Л. Н. былъ посланъ флигель-адъютантъ съ извиненіемъ.

Но власти еще не успокоились. Мин. внутр. дѣлъ обратился къ мин. народн. просв. съ бумагой, въ которой указывалъ на вредное направленіе журнала и просилъ «обратить особое вниманіе цензора на это изданіе» (цензура тогда была въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія).

Однако, министръ нар. просв. оказался либеральнѣе своего коллеги и отвѣтилъ ему, что дѣятельность графа Толстого заслуживаетъ полнаго уваженія.

Текстъ отлученія Л. Н. Толстого.

(Опредѣленіе синода отъ 20—22 февраля 1901 г.).

«Извѣстный всему міру писатель,—гласитъ опредѣленіе синода,—русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его, и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекшись отъ вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Хри-

сту и церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣеваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живого Бога въ Св. Троицѣ славимаго Создателя и Промыслителя вселенной; отрицаетъ Господа Іисуса Христа—Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ; отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до Рождества Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи; не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія; отвергаетъ всѣ таинства церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святого Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, Евхаристію.

Въ силу всего этого, Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею».

Л. Толстой о современникахъ.

О Герценѣ.

— Ежели бы выразить значеніе русскихъ писателей процентно, то Пушкину надобно отвести 30%, Гоголю—20%, Тургеневу—10%, Гриоовичу и всѣмъ остальнымъ около 20%. Все же остальное принадлежитъ Герцену. Онъ изумительный писатель. Онъ глубокъ, блестящъ и проницателенъ. И будь онъ доступенъ русской молодежи, не было бы 1-го марта...

———

О Некрасовѣ.

Л. Н. Толстого спросили:

— Вы могли быть его другомъ?

— Другомъ? Пожалуй, нѣтъ. Но мнѣ онъ нравился больше, нежели другіе. Въ немъ не было никогда ненавистнаго мнѣ лицемѣрія. Этого въ немъ никогда не было. Напротивъ, въ немъ зачастую прорывались скорѣе зубоватость и нѣкоторый цинизмъ, нежели притворство.

———

О Фетѣ.

— Въ 40-хъ годахъ Фетъ писалъ милыя хорошія вещи, изъ которыхъ я многія знаю наизусть; а въ послѣднихъ нѣтъ ни поэзіи, ни смысла.

———

О Страховѣ.

— Онъ не блестящій талантъ. Это я долженъ сказать, хоть и очень люблю его.

О Достоевскомъ.

— Это художественное произведеніе природы... «Преступленіе и наказаніе»—перлъ въ міровой литературѣ... Въ «Запискахъ изъ мертваго дома»—столько содержанія, что его хватило бы на нѣсколько писателей...

——

О Вл. Соловьевѣ.

— Это писатель очень способный, но очень странна его судьба... Просто удивительно теперь вспомнить. Сидятъ старики, почтенные люди и слушаютъ, какъ мальчикъ съ длинными волосами, въ бѣломъ галстукѣ несетъ вздоръ, и слушаютъ внимательно, серьезно...

——

О Чеховѣ.

— Это удивительный инструментъ... Чехова и за глаза хвалить можно... Несравненный художникъ... Главное же, онъ былъ всегда искренненъ. А это великое достоинство въ писателѣ. И благодаря своей искренности, Чеховъ создалъ новыя, совершенно новыя, по-моему, для всего міра формы писанія, подобныхъ которымъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Его языкъ удивителенъ.

Рѣдкій автографъ Л. Н. Толстого о чувствѣ желанія смерти.

Къ Л. Н. въ виду его преклонныхъ лѣтъ часто обращались съ письменными вопросами, что онъ думаетъ о смерти. Вотъ одинъ изъ его отвѣтовъ:

«...когда же стоишь точно на краю смерти, жизнь разгорается такимъ свѣтомъ, что и въ голову не можетъ придти нелѣпое желаніе уйти отъ того, что одно вѣчно и неистребимо.

Вотъ, что я могу отвѣтить на вопросы вашей знакомой. И съ горемъ и безъ горя ужасна жизнь человѣка, который воображаетъ себѣ, что только свѣта, что въ окошкѣ, что только и жизни, что та частица ея, которую мы знаемъ здѣсь.

Радъ случаю возобновленія общенія съ вами».

Левъ Толстой.

Л. Н. Толстой и смерть.

Вопросъ о смерти стоялъ передъ Толстымъ всю жизнь. Онъ постоянно, упорно возвращался къ этому вопросу въ своемъ творчествѣ.

Толстой даже какъ бы провидѣлъ день своей смерти. Въ «Кругѣ чтенія», съ такою любовью и заботой составлявшемся Толстымъ еще въ 1904 году, на 7-ое ноября читаемъ:

Жизнь есть сонъ, смерть—пробужденіе.

——

Смерть есть начало другой жизни.

Монтенъ.

Я не жалѣю томъ, что родился и прожилъ здѣсь часть моей жизни, потому что я жилъ такъ, что имѣю причину думать, что принесъ нѣкоторую пользу. Когда же придетъ конецъ, то я оставлю жизнь такъ же, какъ я бы ушелъ изъ гостиницы, а не изъ своего настоящаго дома, потому что я думаю, что пребываніе наше здѣсь предназначено намъ какъ переходное и только временное.

Цицеронъ.

Мы можемъ только гадать о томъ, что будетъ послѣ смерти; будущее скрыто отъ насъ. Оно не только скрыто,—оно не существуетъ, такъ какъ будущее говоритъ о времени, а, умирая, мы уходимъ изъ времени.

«Онъ втянулъ въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вздоха, потянулся и умеръ». («Смерть Ивана Ильича»).

Такъ умеръ Иванъ Ильичъ 25-го марта 1886 г.

Такъ же «ушелъ изъ времени» и Толстой— 7-го ноября 1910 года.

Л. Н. Толстой и его герои о смерти.

«Когда человѣкъ видитъ умирающее животное, ужасъ охватываетъ его: то, что есть, онъ самъ — сущность его, въ его глазахъ очевидно уничтожается—перестаетъ быть. Но когда умирающее есть человѣкъ и человѣкъ любимый—ощущаемый, тогда, кромѣ ужаса передъ уничтоженіемъ жизни, чувствуется разрывъ и духовная рана, которая такъ же, какъ и рана физическая, иногда убиваетъ иногда залѣчивается, но всегда болитъ и боится внѣшняго раздражающаго прикосновенія».

«Война и миръ».

«Князь Андрей не только зналъ, что онъ умретъ, но онъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, что онъ уже умеръ наполовину. Онъ испытывалъ сознаніе отчужденности отъ всего земного и радостной, и странной легкости бытія. Онъ не торопясь и не тревожась ожидалъ того, что предстояло ему. То грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое, присутствіе котораго онъ не переставалъ ощущать въ продолженіе всей своей жизни, теперь для него было близкое и—по той странной легкости бытія, которую онъ испытывалъ—почти понятное и ощущаемое...

«Война и миръ».

«Онъ искалъ своего прежняго привычнаго страха смерти и не находилъ его.—Гдѣ она? Какая смерть? Страха никакого не было, потому что и смерти не было.

Вмѣсто смерти былъ свѣтъ.

— Такъ вотъ что!—вдругъ вслухъ проговорилъ онъ.—Какая радость!»

«Смерть Ивана Ильича».

— Пришла смерть моя.

— Что-жъ, Петръ Игнатычъ, Божья воля, сообщили, особорують,

Богъ дастъ; баба у тебя, слава Богу, умная, и похоронятъ, и помянутъ, все честь честью.

«Власть тьмы».

«...княжна Марья подошла къ нему и, преодолѣвая ужасъ, охватившій ее, прижала къ щекѣ его свои губы. Но она тотчасъ же отстранилась отъ него. Мгновенно вся сила нѣжности къ нему, которую она чувствовала въ себѣ, исчезла и замѣнилась чувствомъ ужаса къ тому, что было передъ нею,

«Нѣтъ, нѣтъ его больше! Его нѣтъ, а есть тутъ же, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, что-то чуждое и враждебное, какая-то страшная, ужасающая и отталкивающая тайна».

«Война и миръ».

«...онѣ плакали не отъ своего личнаго горя; онѣ плакали отъ благоговѣйнаго умиленія, охватившаго ихъ души передъ сознаніемъ простого и торжественнаго таинства смерти, совершившагося передъ ними».

«Война и миръ».

«И вдругъ я услыхалъ слова Христа, понялъ ихъ, и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и, вмѣсто отчаянія, я испыталъ радость и счастье жизни, не нарушимыя смертью».

«Въ чемъ моя вѣра».

«Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви, значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая безъ любви стоитъ между жизнью и смертью».

«Война и миръ».

«...условіе счастья есть здоровье и безболѣзненная смерть».

«Въ чемъ моя вѣра».

«Левинъ невольно думалъ вмѣстѣ съ нимъ о томъ, что такое совершается теперь въ немъ, но, несмотря на всѣ усилія мысли, чтобы итти съ нимъ вмѣстѣ, онъ видѣлъ, по выраженію этого спокойнаго строгаго лица и игрѣ мускула надъ бровью, что для умирающаго уясняется и уясняется то, что все такъ же темно остается для Левина».

«Анна Каренина».

Послѣднія мысли Л. Н. Толстого.

Наканунѣ смерти, въ минуты просвѣтленія, покойный Левъ Николаевичъ диктовалъ свои мысли, носившія отрывочный характеръ о ложномъ мнѣніи и неправильномъ сужденіи людей, отчего происходитъ неправильная жизнь. Самъ,—пишетъ Левъ Николаевичъ,—ухожу изъ жизни, но

1 с 21

останутся люди, которые сознаютъ истиный смыслъ жизни и имъ суждено будетъ осуществить то, къ чему стремился я въ теченіе своей жизни и что мнѣ не удалось.

Послѣднія письма Л. Н. Толстого.

1. Незадолго до смерти Л. Н. посланы три письма студентамъ въ отвѣтъ на ихъ запросы. Одинъ изъ студентовъ, послѣдователь Толстого, писалъ ему:

———

Съ гимназической скамьи, будучи еще ученикомъ послѣдняго класса, проникся всецѣло духомъ вашего ученья. Непротивленіе злу зломъ стало руководящимъ принципомъ моей жизни. Но уже на первомъ курсѣ университета теорія проф. Петражицкаго и другія начали разрушать во мнѣ мою непоколебимую раньше вѣру въ проповѣдуемый вами этическій принципъ, такъ что во многомъ я началъ мѣнять свои возрѣнія. Одну только заповѣдь вашу никто не могъ пока во мнѣ разрушитъ, это — заповѣдь полового воздержанія. До сихъ поръ, а мнѣ 21 годъ, я остался совершенно цѣломудренъ. Мало того, отличаясь раньше крайне страстнымъ темпераментомъ, я, подъ вашимъ вліяніемъ, преодолѣлъ страстность моего организма и сейчасъ достигъ полнаго самообладанія въ половой сферѣ, доведя это самообладанія до нѣкотораго равнодушія къ женщинѣ, какъ таковой.

Но въ послѣднее время, подъ вліяніетъ профессоровъ, считающихъ половое воздержанія вреднымъ, студентъ началъ колебаться въ своемъ цѣломудріи и просить совѣта, какъ ему быть?

Л. Н. Толстой отвѣтилъ:

«Если вы могли повѣрить профессору Петражицкому, что законъ любви, написанный въ сердцѣ всѣхъ людей и провозглашенный всѣми величайшими людьми міра, отъ браминовъ до Христа и всѣхъ новѣйшихъ великихъ мыслителей, что законъ этотъ несостоятеленъ, (такъ какъ допущеніе противленія злу насиліемъ вполнѣ уничтожаетъ этотъ законъ), потому что есть люди, которымъ нужно насиліе, и другіе, какъ профессора правовѣдѣнія, которые занимаются оправданіемъ насилія, если вы могли повѣрить въ этомъ дѣлѣ одному изъ такихъ профессоровъ, то вы неизбѣжно повѣрите той нелѣпости и лжи, что цѣломудріе вредно, а развратъ полезенъ. Вѣрьте себѣ, милый юноша, и великимъ учителямъ человѣчества, а не профессорамъ. Я много писалъ и о томъ и о другомъ. Если васъ точно интересуетъ мое мнѣніе объ этомъ, то прочтите то, что посылаю вамъ.

Левъ Толстой».

———

2. Священникъ я незадолго до смерти Толстого получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержанія:

«Получилъ ваше письмо, любезный братъ Иванъ Ильичъ, и съ радостнымъ умиленіемъ прочелъ его. Все оно проникнуто истинно-христіанскимъ чувствомъ любви, и потому оно мнѣ было особенно дорого.

О себѣ скажу вамъ слѣдующее.

Въ одной арабской поэмѣ есть такое сказаніе. Странствуя въ пустынѣ, Моисей, подойдя къ стаду, услыхалъ, какъ пастухъ молился Богу. Пастухъ молился такъ: «О, Господи, какъ бы мнѣ добраться до Тебя, сдѣлаться Твоимъ рабомъ. Съ какой бы радостью я обувалъ Тебя, мылъ бы твои ноги и цѣловалъ бы ихъ, расчесывалъ бы Тебѣ волосы, стиралъ бы Тебѣ одежду, убиралъ бы Твое жилище и приносилъ бы Тебѣ молоко отъ моего стада. Желаетъ Тебя мое сердце».

Услыхавъ такія слова, Моисей разгнѣвался на пастуха и сказалъ: «Ты—богохульникъ: Богъ безтѣленъ, Ему не нужны ни одежды, ни жилища, ни прислуги. Ты говоришь дурное». И омрачилось сердце пастуха. Не могъ онъ представить себѣ существа безъ тѣлесной формы и безъ нуждъ тѣлесныхъ, и не могъ онъ больше молиться и служить Господу, и пришелъ въ отчаяніе.

Тогда Богъ сказалъ Моисею: «Зачѣмъ ты отогналъ отъ меня вѣрнаго раба Моего? У всякаго человѣка свое тѣло и свои рѣчи. Что для тебя нехорошо, то другому хорошо. Что для тебя ядъ, то для другого медъ сладкій. Слова ничего не значатъ. Я вижу сердце того, кто ко Мнѣ обращается«. Легенда эта мнѣ очень нравится, и я просилъ бы васъ смотрѣть на меня какъ на этого пастуха. Я и самъ смотрю на себя такъ же. Все наше человѣческое понятіе о Немъ всегда будетъ несовершенно. Не льщу себя надеждой, что сердце мое такое же, какъ у того пастуха, и потому боюсь потерять то, что я имѣю и кто даетъ мнѣ полное спокойствіе и счастье.

Вы говорите мнѣ о соединеніи съ церковью. Думаю, что не ошибаюсь, полагая, что я никогда не разъединялся съ нею,—не съ той какой-либо одной изъ тѣхъ церквей, которыя разъединяютъ, а съ той, которая всегда соединяла и соединяетъ всѣхъ, всѣхъ людей, искренно ищущихъ Бога, начиная отъ этого пастуха и до Будды, Лао-Тзе, Конфуція, браминовъ и многихъ, и многихъ людей. Съ этою всемірною церковью я никогда не разлучался и болѣе всего на свѣтѣ боюсь разойтись съ ней.

Очень благодарю васъ за ваше любезное письмо и братски жму вашу руку.

Левъ Толстой».

III. Въ газетѣ «Temps» напечатано письмо Л. Н., относящееся къ послѣднему времени и являющееся отвѣтомъ на упреки въ противорѣчіи между его жизнью и ученіемъ.

«Я не святой,—писалъ Л. Н.,—и никогда не выдавалъ себя за такового. Я принадлежу къ людямъ, поддающимся увлеченіямъ и не говорящимъ иногда всего того, что они думаютъ и чувствуютъ. И это не потому, чтобы я не хотѣлъ этого дѣлать, но потому, что не могу этого сдѣлать, потому что мнѣ приходится часто преувеличивать или заблуждаться. Въ отношеніи моихъ дѣйствій обстоитъ еще хуже. Я человѣкъ совершенно слабый, человѣкъ съ порочными привычками, который желалъ бы служить Богу истины, но постоянно спотыкается. Если меня считаютъ человѣкомъ, не могущимъ заблуждаться, то каждая изъ моихъ ошибокъ должна представляться ложью и лицемѣріемъ, но если меня считаютъ человѣкомъ слабымъ, то противорѣчіе между моими словами и

дѣлами должно служить признакомъ слабости, а не лицемѣрія и лжи и въ такомъ случаѣ я, дѣйствительно, представляюсь тѣмъ, что я въ дѣйствительности; человѣкомъ, внушающимъ сожалѣніе, но искреннимъ, который постоянно и отъ всей души желалъ и продолжаетъ желаетъ сдѣлаться человѣкомъ вполнѣ хорошимъ, т.-е. хорошимъ служителемъ Бога».

Л. Н. Толстой о себѣ и о матеряхъ.

Въ Новгородѣ есть не мало послѣдователей Толстого, и лишь недавно одинъ изъ нихъ, В. М. Молочниковъ, былъ судимъ палатой за пропаганду ученія Л. Н. Толстого. Палата оправдала Молочникова, но, прежде чѣмъ услышать этотъ приговоръ, Молочниковъ нѣсколько мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Здѣсь онъ получилъ трогательное письмо отъ Л. Толстого.

«Я не въ тюрьмѣ, къ сожалѣнію, но моя тюрьма, безъ рѣшотокъ, иногда, въ слабыя минуты, мнѣ кажется хуже вашей.

Вамъ больно, а мнѣ, не переставая, стыдно.»

В. М. Молочниковъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, сообщалъ Льву Николаевичу, что его (Молочникова) жена обезпокоена предстоящимъ судебнымъ процессомъ.

На это письмо Молочникова Левъ Николаевичъ отозвался такимъ письмомъ: «Не успѣлъ еще отвѣтить на ваше предпослѣднее письмо, гдѣ вы пишете о горѣ, выражающемся въ раздраженіи жены (онѣ, матери, не могутъ иначе, и къ этому надо пріучать себя), какъ получилъ ваше письмо о судѣ. Надѣюсь, да и не думаю, чтобы было такъ худо. Но вы правы, худого нѣтъ внѣ насъ, а если внѣшнія условія указываютъ намъ на худое въ насъ, то это только хорошо. Говорю о себѣ, т.-е. себя имѣю въ виду. Я въ послѣдніе дни нездоровъ и оттого пишу только нѣсколько словъ. Спасибо, что пишете.

«Любящій васъ **Л. Толстой**».

Письмо датировано 11-мъ августа текущаго года. «Онѣ, матери, не могутъ иначе»... Не повторялъ ли великій старецъ эти пять словъ, полныя скорби и состраданія, и тогда, когда вѣсти о горѣ его семьи уже дошли до него?..

Желѣзный перстень Л. Н. Толстого.

Среди поволжской интеллигенціи распространена любопытная легенда о «желѣзномъ перстнѣ» Тургенева. Покойный писатель будто-бы передалъ этотъ перстень Толстому съ тѣмъ, чтобы тотъ завѣщалъ его, въ свою очередь, русскому писателю. Такимъ образомъ, съ этимъ перстнемъ связано званіе лучшаго писателя земли русской. Волгари утверждаютъ, что Толстой уже завѣщалъ его Максиму Горькому.

Возможно, что легенда создалась на почвѣ сказанія о пушкинскомъ перстнѣ, перешедшемъ послѣ его смерти къ Далю.

Высочайшая отмѣтка.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о кончинѣ Л. Н. Толстого Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ начертать слѣдующія слова:

«Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго во время расцвѣта своего дарованія въ твореніяхъ своихъ родные образы одной изъ славнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судьею».

Великіе міра о Л. Н. Толстомъ.

Папа Левъ XIII. На рубежѣ двухъ столѣтій — XIX и XX не было болѣе яркихъ и величественныхъ фигуръ, какъ эти два старца, два Льва.

Интересно, поэтому, въ настоящее время, когда весь міръ оплакиваетъ кончину великаго учителя, узнать, что думалъ о Л. Н. и какъ понималъ его покойный папа Левъ XIII и что говорилъ о немъ своимъ окружающимъ.

Насколько Левъ XIII интересовался своимъ русскимъ тезкой, видно изъ того, что всѣ свѣдѣнія о Толстомъ, появлявшіяся въ итальянскихъ и французскихъ газетахъ, ему немедленно прочитывались его личнымъ секретаремъ, монсиньоромъ д'Анжели.

«Когда я былъ принятъ папой,—разсказываетъ въ печати г. Николай Толстой, — онъ меня спросилъ о религіозно-философскихъ мнѣніяхъ моего однофамильца. Я зналъ о нихъ только изъ его сочиненій, недавно мною перечитанныхъ, и высказалъ папѣ мои личныя впечатлѣнія. «Вашъ философъ,—сказалъ мнѣ папа,—имѣетъ много здраваго смысла, но слишкомъ мало онъ знакомъ съ богословіемъ. Между тѣмъ, онъ все время трактуетъ о богословскихъ предметахъ.

Третій и послѣдній разъ, когда Н. Толстой говорилъ съ покойнымъ папой о Л. Н., было послѣ его отлученія отъ синодальной церкви.

На этотъ разъ святѣйшій отецъ оказался вполнѣ, какъ и слѣдовало ожидать, на сторонѣ правительствующаго синода. «Синодъ поступилъ правильно,—сказалъ Левъ XIII,—отлучивъ отъ церкви человѣка, публично отвергавшаго всѣ христіанскіе догматы и поправшаго всѣ устои евангельской нравственности».

Противъ послѣдняго Н. Толстой горячо возразилъ, что Толстой именно проповѣдывалъ словомъ и примѣромъ ученіе Христа. «Развѣ Толстой,—сказалъ Н. Толстой его святѣйшеству,—исказилъ евангельскую доктрину, проповѣдуя противъ войны, противъ присяги, противъ оплаты зломъ за зло? Вѣдь, это же сущность ученія католической церкви».

Левъ XIII снисходительно улыбнулся: «Гдѣ вы нашли,—сказалъ папа,—что святая апостольская церковь осуждаетъ войну и присягу? Пока на землѣ будетъ зло, а оно будетъ до скончанія вѣковъ, церковь учитъ съ нимъ бороться. Пока на землѣ господствуютъ ложь и неправда, только одна церковная присяга сильна обуздать человѣческій языкъ и гарантировать исполненіе обѣщаннаго,—и пока всѣ народы не войдутъ

въ христіанскую церковь, не можетъ быть и рѣчи ни о всеобщемъ мирѣ, ни о всеобщемъ разоруженіи».

———

Герхардтъ Гауптманъ (нѣмецкій писатель).—«Россія потеряла своего Лютера, а человѣчество—великаго художника и рѣдкую личность. Бѣгство Толстого изъ міра меня не поразило, ибо вся его философія основана на отрицаніи житейской суеты и повседневности. Его уходъ—прекраснѣйшее побужденіе, дополнившее духовную красоту души его. По моему убѣжденію, Толстой предчувствовалъ смерть. Одержимый мистическимъ страхомъ, онъ рѣшилъ послѣднія минуты провести наединѣ съ душою. Этотъ заключительный фактъ ставитъ его на ряду съ Буддой и Лютеромъ и другими великими реформаторами. Я во многомъ расхожусь съ Толстымъ, однако, преклоняюсь передъ титаническимъ обаяніемъ его генія. Для Россіи его смерть, несомнѣнно, незамѣнимая утрата, ибо Толстые не рождаются каждое столѣтіе.

———

Шницлеръ.—«Умеръ геній міровой загадки. Его ученіе впослѣдствіи кристаллизуется и будетъ свѣточемъ для человѣчества».

———

Паоло Трубецкой.—«Умеръ великій геній человѣчества. Словами скорби не выразить».

———

Сельма Лагерлёфъ (изв. норвеж. пис.).—«Мы лишились величайшаго духа. Онъ потрясалъ совѣсть, боролся за страдающихъ, распространялъ любовь. Я рада и счастлива, что земныя дѣянія его совершались въ мое время».

———

Профессоръ Л. Штейнъ (лучшій въ Германіи знатокъ Толстого).—«Смерть философа меня не ошеломила. Толстой бѣжалъ отъ самого себя, предчувствуя смерть, которая для него являлась переходомъ въ высшій міръ. Онъ боялся, что, подъ давленіемъ родныхъ, совершитъ шагъ, идущій въ разрѣзъ съ его «святая святыхъ». Онъ отрекся отъ міра ради того Бога, котораго всю жизнь носилъ въ своей душѣ. Упрекать Толстого въ безсердечности къ семьѣ—глупо, онъ безсиленъ былъ справиться съ доминировавшей надъ нимъ idée fixe. Съ его смертью человѣчество потеряло апостола, святого, котораго бы въ древнія времена церковь канонизировала. Ницше, Бьернсонъ, Ибсенъ блѣднѣютъ передъ свѣтлымъ образомъ величайшаго изъ современниковъ—Льва Николаевича Толстого».

———

Профессоръ философіи Л. фонъ-Шредеръ.—«Умеръ величайшій человѣкъ міра. Я не преувеличу, если назову Льва Николаевича русскимъ Буддой. Онъ былъ скованнымъ Прометеемъ, великимъ мученикомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дивнымъ побѣдителемъ, давшимъ міру свѣтъ. Несмотря на неудачи въ практическомъ проведеніи его идеаловъ, Толстой все же далъ импульсы міру. Только филистеры могутъ называть его мечтателемъ. Такимъ же мечтателемъ былъ Христосъ. Толстой—великій

представитель славянства, поднявшій славянство на неизмѣримую высоту. Онъ стоитъ внѣ насъ и внѣ грани столѣтій».

———

Фредерикъ Пасси (лауреатъ нобелевской преміи).—«Война и Миръ» Толстого была толчкомъ для развитія идеи мира, апостоломъ котораго онъ являлся. Его проповѣдь любви сдѣлала много для распространенія идеи мира».

———

Жеро Ришаръ (изв. француз. публиц.).—«Вотъ великанъ, боровшійся противъ всемогущаго государства, имѣя броней только свой моральный авторитетъ. Если Л. Н. Толстой долженъ исчезнуть, то замретъ въ Россіи могучій голосъ совѣсти, потухнетъ яркая звѣзда, свѣтившая впотьмахъ сотнямъ милліоновъ людей».

———

Проф. Бернадскій (ректоръ вѣнск. универс.).—«Съ Толстымъ умеръ величайшій русскій, величайшій славянскій поэтъ, пожалуй, величайшій поэтъ современности. Хотя трогательная любовь Толстого поколебалась передъ нѣмецкой націей, все же не найдется ни одного нѣмца, который не раздѣлялъ бы горя всей славянской расы».

———

Поль Нойе (директ. париж. школы восточн. язык.).—«Толстой совершилъ циклопическій, гигантскій трудъ. Онъ откликался на міровые вопросы безъ устали. Это былъ крикъ общественной совѣсти. Міръ не знаетъ всего Толстого. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не исчерпалъ всего своего душевнаго богатства. Только тѣ, кто приближался къ нему, могли вполнѣ оцѣнить великую нравственную силу этого генія».

———

Октавъ Мирбо (изв. француз. писат.).—«Гигантъ міровой литературы, свое преклоненіе передъ которымъ я высказывалъ еще при его жизни, оставитъ глубокій слѣдъ во всемъ мыслящемъ человѣчествѣ. Онъ былъ для Россіи «сѣвернымъ сіяніемъ».

———

Анри Батайль (изв. француз. драматургъ, передѣл. «Воскресеніе»).—«Извѣстіе о смерти Льва Николаевича Толстого вызываетъ во мнѣ чувство, которое испытываешь, слушая могучіе удары вагнеровской «Смерти героя». Толстой былъ великій знатокъ человѣческаго сердца. Подобно Моисею, который добылъ изъ скалы воду ударомъ жезла, онъ, зная сущность коллективнаго человѣческаго сердца, окаменѣвшаго въ эгоизмѣ, силился добыть изъ него струю живой воды милосердія къ ближнимъ».

———

Жюль Леметръ.—«Это былъ человѣкъ геніальный. Если онъ не былъ надежнымъ проповѣдникомъ человѣчества, онъ былъ факельщикомъ, освѣщавшимъ ему путь».

———

Анатоль Франсъ.—«Великій художникъ, который такъ безпощадно производилъ диссекцію организма человѣчества, дѣлалъ это съ глубокой

любовью къ жизни и обществу, его будущему. Есть два способа жить— любить жизнь и отдаться ей беззаботно или покорить ее. Второе осуществилъ Толстой».

———

Аронсонъ (извѣстн. скульпторъ).—Вспоминая свое пребываніе въ Ясной Полянѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, когда онъ лѣпилъ бюстъ великаго писателя, услышавъ вѣсть о смерти Льва Николаевича, разрыдался. «Когда я впервые,—разсказываетъ Аронсонъ,—приблизился къ Толстому, меня поразили, прежде всего, его глаза. Проникавшій въ душу и сердце его взглядъ точно звалъ васъ къ исповѣди. Въ немъ была глубина, въ которую обыкновенный смертный страшился заглянуть. Толстой не хотѣлъ позировать, и я урывками схватывалъ его черты, ибо во мнѣ было глубоко сознаніе, что я дѣлаю великое дѣло, и что въ теченіе тысячелѣтій человѣчество сохранитъ образъ полубога, сошедшаго на землю».

———

Жюль Кларетти (академикъ).—«Толстой, какъ авіаторъ мысли, не видитъ внизу пограничныхъ столбовъ. Онъ паритъ, какъ орелъ, надъ вселенной. Когда я читалъ, что великій старецъ съ посохомъ въ рукѣ отправился бродить, мнѣ вспомнился Вѣчный Жидъ, съ той только разницей, что Толстой—апостолъ прощенія и милосердія, бродяга великаго состраданія».

Пушкинский Дом
6 "СТЕНА
Академия Наук СССР